

18+

Павел С. Желтов

Улица Свободы

Павел Желтов
Улица Свободы

«Издательские решения»

Желтов П. С.

Улица Свободы / П. С. Желтов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531648-6

«Улица Свободы» привлекательна жанровой неоднозначностью. Небольшой объём и в то же время глубокий философский и психологический смысл и переплетение двух полноценных сюжетных линий позволяют его назвать романом. Из двух сюжетных линий произведения сложно выбрать главную. Первая, реалистичная, описывает жизнь героя, покинувшего стены наркологической клиники. Вторая линия — фэнтезийная. Стимер Андрей, открывший в себе необычную способность понимать Вселенную, оказывается богом — одним из многих. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-531648-6

© Желтов П. С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Улица Свободы

Павел С. Желтов

Иллюстратор Ирина Андреевна Янаева

Редактор Оксана Васильевна Петрова

© Павел С. Желтов, 2021

© Ирина Андреевна Янаева, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-1648-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*«Я живу в чудесном городе Земли, на улице Свободы.
Во все моря отсюда ходят корабли, и во все концы взлетают
самолеты.*

*Ты тоже можешь быть моим соседом, мне не важно, кто ты.
На улице Свободы».
«Тараканы!»*

1.

Идея стать покорителем сибирских рек пришла мне в голову этой зимой в диспансере. Я попал в заведение перед Новым годом, числа 27-го: организм запротестовал, не выдержав предпраздничного марафона. Главным образом дело было в нервах.

Я сидел в столовой и смотрел в окно. Куропатки, появившиеся вдруг в городе в чрезмерном количестве, смотрели на меня. Падающий из окна свет позволял хорошо их разглядеть. Четыре белые птицы покрупнее голубя, но помельче курицы. Глаза у них были глупые.

Я сидел и думал, как славно, наверное, отправиться в неспешное путешествие на стареньком катере по глади Оби – вверх или вниз по течению, мне было совсем не важно. Постепенно мои фантазии стали обрастать подробностями. Катер в моих мечтах был небольшим, но и не сказать, чтобы совсем маленьким. Речного класса, с рубкой, каютой и палубой. На радиомачте я бы поднял свой собственный флаг, думаю, оранжевый. А называлось бы судно как-нибудь изысканно. Размышления, как именно, я отложил на потом.

Я сидел и смотрел в окно. А куропатки сидели на присыпанной снегом березе. Впрочем, вместо птиц у меня перед глазами проплывали берега – справа пологий, слева обрывистый; блестела речная гладь, там и тут рыбы своими толстыми спинами делали на глади буруны. Себя я видел стоящим у штурвала.

На тот момент я точно знал, что пойду в речной поход в компании. Мне виделась дама, которая встанет со мной плечом к плечу к штурвалу, будет жарить на камбузе пойманных мною щук.

Рядом завозились двое игроков в подкидного. Они сидели со мной в столовой уже час. Вели себя настолько тихо, что я успел о них забыть. Это были очень уставшие люди в полосатых, как у всех нас, пижамах. Игроки собирали карты: пришло время приема вечерних лекарств.

Я стряхнул грезы и встал в очередь. Сегодня таблетки выдавала старуха нянечка – усатая и всегда насупленная. Сегодня в баночке с моей фамилией оказалось три пилюли – антидепрессант, успокоительное и «витаминка». Когда я сюда поступил, мой ежевечерний таблеточный рацион состоял из семи пунктов. Утренний и обеденный имел меню из пяти наименований.

Я лег в диспансер, чтобы немного прийти в себя. Последние полгода выдались трудные, мои расшатанные нервы иногда выдавали неожиданную реакцию на раздражители, а душе не хватало радости. На самом деле, я не сам пришел сюда. Меня привезли фельдшер, полицейский и казак. Это они позвонили в мою дверь, когда я сидел на подоконнике, свесив босые ноги на улицу и разговаривая по телефону доверия. Оператор, который уже полчаса развлекал меня беседой, услышал звонок и сказал: «Иди открывай, к тебе пришли». Я открыл, за дверью стояли фельдшер, полицейский и казак.

Утром следующего дня я впал в отчаяние – мне хотелось домой, меня, наверное, хватились на работе. Хотя, нет. Мне просто не хотелось здесь находиться – среди людей в полосатых пижамах, шатающихся по коридорам. До такой степени не хотелось, что я зарыдал. Пришла заведующая отделением, и мы поговорили. В конце концов остаться меня убедили ее слова

о том, что мои рыдания – явный признак душевной и физической усталости. Я, конечно, сказала она, могу уйти домой, хоть сейчас, но вскоре вернусь обратно – еще более угнетенным. Я решил довериться и не экспериментировать.

К слову, вечером этого же дня меня пришли проведать с работы. Электрик и начальник смены. Оказалось, что меня действительно хватились. Обзвонили несколько больниц и нашли. Они принесли мне блок сигарет, два кило печенья и два пака молока. Мы не были особо близки на работе, а тут такое. Впрочем, я ни с кем не был особенно близок. У меня даже женщины не было уже полтора года.

Я подставил горсточку, хмурая старуха высыпала в нее мои пилюли. Я направился в палату за кружкой – набрать воды и запить лекарства. За нами не следили: никто из пациентов не пытался профильтровать прием снадобий. Пили все, что давали. Потому что знали, что на благо.

Я набрал в баке воды, закинул в рот все три таблетки, задрал к небу язык, налил туда же воды и по-птичьи резко запрокинул голову. Проглотил. Выплеснул остатки воды в раковину, сходил в палату за печеньем и молоком и вернулся в столовую.

Налив молока, я взял из пакета печенье и попытался вернуться мыслями к катеру и всему, что с ним связано, – лету, воде, ветерку, а также даме и шукам. Но мечты не возвращались. Куропатки тоже куда-то делись.

– Есть сигареты? – к столу с другой стороны подошла пациентка нашего заведения. – Дай парочку. И пошли покурим.

Я достал из кармана пижамных штанов пачку «Элэма». Открыл, вытащил две сигареты и протянул однокашнице. Она была довольно милостива, стройна и молода. Во всяком случае, моложе меня лет на пять. Не слишком чистые волосы были собраны на макушке дулей. Серые глаза, правда, слегка мутные. Впрочем, у нас тут у всех были мутные глаза из-за успокоительных. Врачи говорят, что оглушенной душе легче выздоравливать.

Солнце, степь, прямая пустая дорога. На дороге машина. В машине бог понимающий. Дорога и помогала богу понимать. Вернее, не сама дорога, а движение по ней. Чем больше скорость, тем больше понимания. Когда он шел, тоже понимал. Но это было медленно. Сейчас он двигался чуть быстрее разрешенной вне городов скорости. Но бывало, что он несся быстрее самой мысли. Вот тогда понимание вливалось в него Ниагарским водопадом. Так мощно, что он не успевал это понимание обуздать. Потом, остановившись, долго сидел и приходил в себя.

Сейчас Андрей ехал не для понимания. У него была точка назначения. Он сидел за рулем немалого размера пикапа. В кузове стоял механизм – стим, как его называли в Андреевой тусовке. Был и прицеп – настоящий дом, в котором можно жить. Небольшой, но зато условно двухэтажный, уютный и функциональный. Его Андрей построил в том же гараже, где ремонтировал и модернизировал свой стим.

А понимал Андрей Вселенную. Не пытался понять, а именно целенаправленно черпал из скорости знания о ней. Информации, врывающейся раскаленным волнами в его сознание во время движения, было очень много. Гонялся в буквальном смысле за ней он уже несколько лет. И понимал, что все еще в самом начале пути.

Сейчас Андрей ехал на юго-восток. После того, как в Новосибире гонки на стимах не просто запретили, а стали устраивать против гонок настоящие силовые операции, Андрей отыскал, что ему нужно. Точку на карте Монголии. Его внимание привлекла сеть линий – как рулежные дорожки на аэродроме – заключенные в большое, полкилометра в диаметре, кольцо. На спутниковых снимках он разглядел, что все это похоже на дороги. И кольцо тоже дорога. Довольно широкая, четыре полосы может уместиться. Собрался и поехал.

Он ехал и понимал. Это не мешало ему следить за дорогой, держать в голове карту и управлять своим небольшим автопоездом.

2.

Надо отдать должное этому диспансеру: тут есть курилка, и курить в ней можно в любое время. Я бывал в нескольких заведениях. И там курильщики оказывались в роли людей второго сорта. В одном из них курить выводили на улицу трижды в день, выдав перед прогулкой по две сигареты в руки. Разобрав в раздевалке валенки и бушлаты, мы, возглавляемые свирепой нянечкой, строем выходили во двор и жадно курили. Можно было спрятать сигарету или окурок, чтобы потом, во время смены менее свирепой нянечки, покурить в туалете. Это было унижительно.

В другом сигареты пациентов собирали в кабинете персонала и выдавали четко по расписанию. Кажется, четырежды в день. По четыре сигареты за раз. Можно было назвать фамилию товарища и получить его сигареты. Некоторые так и поступали. В зависимости от того, знал об этом товарищ или нет, возникали или не возникали конфликты. Курить можно было в любое время в туалете – при наличии табака, конечно. Там постоянно кто-то был. Стояли, сидели на подоконнике, разговаривали о своих болезнях. Однажды я увидел, как один из пациентов – неопрятный мятый старик, который выглядел наверняка старше своего настоящего возраста – помыл подоконник унитазами ершиком, и перестал садиться.

Ну, а здесь никто не забирал сигареты, а курилка – отдельная от туалета – была открыта всегда. Сигареты хранились в тумбочке, и никто из персонала на них не зарился.

Пока шли, я узнал, что пациентку зовут Лилия. А в курилке ждет тетя Валя. Тете Вале я был представлен, когда мы вошли, и Лилия вручила ей добытую у меня сигарету. Я достал зажигалку и прикурил – Тете Вале, Лилии, себе. Немного покурили молча.

– Ну, как тебе тут? – это тетя Валя начала светскую беседу. На пальце руки, которой она держала «Элэм», был перстень с камнем.

– Хорошее место, – ответил я светским тоном. – И медики вроде неплохие.

– Да. С персоналом здесь хорошо. Квалифицированные, – кивнула тетя Валя важно.

Дверь в курилку распахнулась от толчка. На пороге был человек в инвалидной коляске. На вид ему можно было дать лет 55. Глубокие морщины на лице и костлявые кисти рук выдавали тяжелую судьбу за плечами. Хотя у кого здесь, в месте, где приходят в себя наркоманы, шизики и просто уставшие люди, легкая судьба?

– Парсунов, – вполголоса сказала Лилия.

В курилку Парсунова вкатил санитар. Он поставил его рядом со скамейками и вышел, закрыв за собой дверь. Персонал заведения курил на улице.

На Парсунове была необычная пижама. Черная, в крупный белый горох. Позже я разглядел, что это не горох, а черепа с костями, как на пиратских флагах – «веселые рожеры». Стало быть, и человек веселый, заключил я. Но знакомиться не торопился. Мне рассказали, что Парсунов здесь пациент особый: заезжает снова через два месяца после выписки. Оказавшись за воротами диспансера, чуть не на пороге, начинает пить горькую. И пьет так до потери всякого здоровья. Уже и ходить не может – передвигается на колесах. И изможден, как Кощей. Как постоянный клиент имеет специальную пижаму – вот эту, с черепами.

Парсунов докурил и, ни на кого не глядя, выехал вон. Я достал из кармана пачку и предложил дамам. Дамы угостились. Я повторил ритуал с зажигалкой, а тетя Валя рассказала краткую историю Парсунова. «Хороший мужик», – добавила она.

– Да, хороший, – кивнула Лилия. – Ходила к нему этой ночью. Если кто идет, надо заметить под одеялом. Не заметили.

Я посмотрел на нее другими глазами. Она договорила и посмотрела на меня:

– Хочешь, к тебе сегодня приду?

Я не ответил. Размышлял о том, что у человека с отказавшими ногами, не все функции отключаются.

Я стоял и смотрел на Лилию. Она смотрела на меня снизу вверх. Потом расстегнула две пуговицы на пижамной рубашке и открыла левую грудь. Грудь оказалась небольшая, но немного отвисшая. Овальная и с бледным, непропорционально большим соском. На почти гладкой ареоле я рассмотрел четыре несимметричных пупырышка. Лилия покачала плечами, грудь послушно покачалась следом. Тетя Валя тоже посмотрела на грудь, сложила одобрительную гримасу и покивала, выпуская из ноздрей дым.

Лилия закрыла левую грудь и повторила манипуляции с правой: продемонстрировала и покачала. Застегнулась и сказала: «Приду».

Я стоял и смотрел на нее, пытаюсь сохранить каменное выражение лица. Лишь ответил: «Да. Приходи». И, немного помедлив: «Классные сиськи». Лилия с благодарностью приняла комплимент. И вдруг протянула ко мне руку ладонью вверх, будто что-то просила. Но она не просила, а приложила ладонь к паху моих пижамных штанов. Внутри штанов шевельнулось ей навстречу. Мне пришлось сесть.

Она не пришла. За 15 минут до отбоя ее чем-то обкололи, и разбудить ее стало невозможно. Я подумал и решил, что это к лучшему. Мы больше не возвращались к этому разговору.

Осознал Андрей, что с ним происходит что-то, что отличает его от других людей, курсе на третьем. Тогда он начал активно пользоваться воздушным транспортом. Во время разгона самолета, на скорости около двух сотен километров в час, в голову парня начинали бить потоки чего-то горячего, как ему представлялось. Это не было больно. По первому времени это было просто страшно. Потоки прекращались, как только шасси самолета отрывалось от земли. Вторая серия начиналась, когда самолет касался взлетной полосы аэропорта прибытия – мощный, внезапный и неостановимый пресс чего-то – прямо в лобные доли полушарий. По мере торможения он сходил на нет.

Андрей понял, что и раньше чувствовал это. Только скорости были слабоваты, чтобы начать выделять новое ощущение. Со временем он научился видеть новые волны даже на скоростях ниже сорока. Ехал на велике – слабая струйка, будто ежик пописал. На машине на загородном шоссе – словно открыли на всю в ванной горячий кран, только хлещет оттуда не вода, а какая-то лава.

Вот и сейчас бог понимающий ехал и напитывался новым пониманием. Он понимал – был в процессе понимания – возникновения материи и ее ненавистницы антиматерии – из одного... хм... яйца. Да, именно яйцо виделось Андрею, когда он думал об этом. И именно это вселенское яйцо дало начало беспрестанной борьбе энтропии и негэнтропии, упорядочивания. Там много всего было. Яйцо дало понимание механики в средних классах школы, интегралов – в классах постарше. Когда учитель начинал объяснять темы на уроке, юный бог уже откуда-то знал все это. И просто вспоминал. В общем, учиться Андрею было легко.

Никаких потоков не наблюдалось при передвижении по воздуху и по воде. Нужен был контакт с землей. Именно за скоростью и подался Андрей в стимеры.

Это сообщество людей, которые на своих повозках, стимах, разгоняются до баснословных скоростей, а потом хвастают друг перед другом своими достижениями. Бывает, гоняются друг с другом, но такое происходит не слишком часто: и опасно, и самих стимеров не слишком много живет на земле. Чересчур уж экзотическое средство передвижения они выбрали.

Стим – пар. Стимер – паровоз.

Четырехколесная повозка, которую приводит в движение пар. А пар разогревает ядерный реактор. Это если по-простому.

Поначалу, во времена появления первых стимеров, власти относились к ним, как к помеси сумасшедших кастомайзеров с технофетишистами. Прощупали тусовку на предмет наркотиков – отклонений от нормы не нашли. Других явных нарушений закона тоже. Большинство работало, а в свободное время зависало в своих гаражах, где колупалось внутри не совсем понятных механизмов. Нравится – пусть. Редкие выезды на покатушки, правда, вызывали у властей тревогу. Неофициальные гонки проводили на заброшенных дорогах и закрытых аэродромах. Выбирали участок с асфальтом поцелее, засекали время – и в путь.

Потом кто-то узнал, что топят свои телеги эти неадекваты не чем-нибудь, а нитридом урана. Где берут – не говорят, а значит, происходит что-то плохое.

Пара сотен стимеров сначала сбежала из Москвы, а потом и из других крупных городов. Новосибирск, конечно, попал в их число. А не гонять на бешеной скорости Андрей уже не мог. Душа требовала новых потоков понимания. Вселенная выстраивалась во все более стройную картину. Пазл нужно собирать, пока есть время.

3.

Во время вечерней раздачи лекарств я не получил успокоительного. Наверное, врач посчитал, что я уже достаточно успокоился. Думаю, именно в этом причина того, что я не мог уснуть до трех часов ночи. Я даже какое-то время подумывал пойти разбудить Лилию, представляя, какова на ощупь ее грудь, и отличается ли левая от правой упругостью. Но так и не пошел. Этому было несколько причин.

Во-первых, она была наркоманка. А потому вероятность наличия у нее вич или гепатита, не говоря уже о менее страшной заразе, была почти стопроцентная. А «резины» здесь нет. Может быть, именно у нее и был запас, но проверять я не стал.

Во-вторых, гигиена. Здесь душ один на всех, и пользоваться им не слишком удобно. Эдакое корытце метр на метр на полу, а из стены торчит шланг с лейкой на конце. Дверь не запирается. Не то чтобы я слишком стеснялся – я далеко не ребенок и ложной скромностью не болею. К тому же у меня довольно привлекательное тело, особенно на фоне остальных пациентов. Из-за неудобства пациенты пренебрегали водными процедурами. К неподмытой женщине я идти не хотел. Может, кому и нравится этот запах, но только не мне.

Ну а в-третьих, я видел, как ей снова делали укол в вену – за 15 минут до отбоя.

Потом я стал думать о куропатках. О них мне немного рассказал новый знакомый. А именно – о способе охоты на них.

Нового приятеля звали Вова. Он подсел ко мне в столовой, когда я смотрел на березу, на которой сейчас куропаток не было. Он был примерно одного возраста со мной, круглолиц и быстр на смех. Он сел напротив меня, протянул руку, представился и засмеялся – негромко, но отчетливо. Я представился в ответ и пожал его ладонь. Нормально – сухое и в меру твердое рукопожатие.

Мы заговорили о куропатках. Вова рассказал, что для охоты на них нужна двухлитровая бутылка с горячей водой и рябина.

– Приходишь в лес. Делашь горячей бутылкой несколько лунок в снегу. Снег на стенках тает и сразу замерзает. Получается лед. Как его, как наст. Твердый, – начал он. – Досташь ягоды – рябина там, еще что-то – красные. Несколько разбрасывашь вокруг лунок, потом на дно каждой сыплешь понемногу. И уходишь. Лучше сразу возле кустов делать, чтобы далеко не прятаться. Сидишь в кусты и ждешь. Можно водку пить. Они, короче, сначала сверху жрут, а потом видят на дне и ныряют. Вылезти, короче, не могут. Когда все дырки заткнут, выходишь и собираешь в мешок.

И Вова заливисто захохотал.

Я лежал без сна, и меня душило возмущение и недоумение: как с точки зрения эволюции объяснить такую тупость? Ни одно животное не полезет туда, откуда не сможет вылезти.

А эти ныряют, как на соревнованиях по прыжкам в воду. Да еще, говорит Вова, долго ждать не приходится. Недолгий кайф от халявной рябины, наверное, отключает и без того невеликий мозг. Меня всегда раздражала тупость.

Монгольскую границу он пересек с легкостью. Конечно, на официальном КПП пограничники не выпустили бы из страны пикап с радиоактивной повозкой в кузове. Но вокруг КПП в обе стороны простиралась степь, по которой вполне комфортно можно было проехать. Незаконно пересекать границу в Монголию станет разве что сумасшедший. А чего его, сумасшедшего, ловить?

Так что, когда навигатор показал, что в Монголию Андрей забрался аж на 50 километров вглубь, бог понимающий вернулся на дорогу, внимательно просмотрел дальнейший путь и двинулся дальше.

Андрей не спешил. До точки назначения оставалось три сотни километров. Он их преодолел в размышлениях, не встретив по пути ровным счетом никого. Лишь краешком сознания отмечал поступление в душу слабеньких волн нового понимания.

Солнце сделало три четверти своего пути по небу. Пикап выбрался на возвышенность, и перед водителем открылось место, куда он направлялся. Весьма грандиозное плоское сооружение: будто был когда-то город со своей дорожной сетью и окружной дорогой, а потом его смахнули, только дороги и оставили. Где-то виднелись деревца, в основном же все было плоско. Воображение дорисовало десяток перекаати—поле, снующих по этим дорогам в разных направлениях и уступающих где положено друг другу право приоритетного проезда.

Окружная дорога – то самое, что привело Андрея в эту пустую землю. Неизвестно, что здесь было раньше, но опоясывало это что-то просто замечательное кольцо: гладкое и широкое. А в одном месте, кажется, через дорогу был перекинут мост. Одним богам да строителям было ведомо, зачем. Впрочем, богам тоже не всем.

Андрей взялся за руль, спустился со взгорка. Подъехав поближе к дорожной сети без города, остановился, заглушил двигатель и поставил машину на ручник. Потом вышел и занялся жильем.

Собственно, с жильем было все в порядке. Андрей лишь отцепил свой дом на колесах от фаркопа да закрутил упоры по углам, как у подъемного крана, – чтобы жилище обрело устойчивость и не нужно было рисковать собственноручно облить утренняя кофе.

Андрей вошел в помещение, открыл на проветривание окна, набрал в чайник воды и включил. Потом разблокировал стулья, сложенные в транспортировочное положение, взял один, вышел с ним на улицу, уселся и закурил. Солнце было уже над горизонтом. Андрей подумал, что пока все складывается неплохо. От назойливых властей он ушел. Здесь, по слухам, до него никому нет и не будет дела, припасов, заготовленных с умом, должно хватить месяца на два с половиной.

Вскипел чайник. Андрей услышал шелчок, зашел внутрь, разыскал чашку и заварил в ней пакетик черного с ароматом бергамота чая. Постоял над чашкой несколько минут, ни о чем не думая, выбросил пакетик в пустое ведро. Он упал на дно сигналом о том, что началась новая жизнь. Беглец-поселенец вышел с чашкой «во двор», выпил чай, съел шоколадный батончик и проводил на покой солнце. Кивнув на прощание скрывшемуся светилу, почти привычно вошел в жилище, разделся до трусов, забрался на просторную полку над входом – она служила спальней и была размером с двухместную кровать. Андрей забрался под одеяло. Самое вкусное – разведку новых владений – он оставил на завтра.

4.

К думам о катере я вернулся утром. Из-за успокоительных у меня что-то случилось со зрением, поэтому я не мог читать. По телику утром ничего интересного не показывали. Потому я вернулся в столовую после завтрака, когда убрали со столов. Я подсел к куропаточному окну. На березе сидела всего одна птица. На меня она не смотрела. Было видно без термометра, что на улице мороз под тридцать.

Мой катер не будет слишком большим. Но и на уютной лодчонке я в плавание не пойду. Я знаю, что такое весла, – в детстве я плавал на шедевре советской промышленности – полутораметровой алюминиевой «раскладушке», лягушачьего зеленого цвета. Весла – это нагрузка. Пусть на веслах ходят всякие спортсмены и прочие Конюховы. Потому катер будет с мотором.

Конечно, я буду ловить шук на спиннинг. В Оби попадаются такие трофейные экспонаты, что одному человеку нипочем не съесть за один раз. Но провизию нужно будет взять все равно. Это будут разномастные консервы: каша, тушенка, всякие завтраки туриста. Крупы тоже нужны. И, наверное, овощи – морковка там, картошка. Опять же, уху варить. Надо рассчитывать на месяц.

Конечно, надо взять спиртного. Я не алкаш какой-нибудь. Мне приходилось несколько раз напиваться. Иногда я даже не помнил вчерашнего вечера. Но я не алкаш. Я просто люблю выпить. Спиртное помогает расслабиться. Оно благотворно влияет на нервы. Впрочем, мне оно не слишком помогло: из-за нервов и общей усталости я оказался здесь. Среди наркоманов, психов и настоящих алкашей. Лилия, кстати, была наркоманкой. На сгибах ее рук виднелись следы. Тетя Валя была алкоголичкой. Она потом сама так сказала. Я жалел их – эти люди потеряли контроль. Они напивались до беспамятства, кололи свои вены ядом, сходили с ума, когда было нечего выпить или употребить другим способом. У меня же было все под контролем. Я умел вовремя остановиться. И если я слишком напивался, так, чтобы ничего не помнить назавтра, значит, я просто так сам хотел. Когда не хотел – не напивался. Бывало, вообще не пил неделями.

Спиртное я на борт возьму. Хорошо, если это будет ром. Это романтично, это по-пиратски, по-морскому. Пожалуй, бутылочку ямайского нектара я прихвачу, хоть он и слишком дорогой. Конечно, возьму водки и коньяка. Месяц плавания без нормального мужского запаса спиртного немыслим. Воды надо взять еще. Литров сто. Соков и колы – делать коктейли. Я люблю коктейли. И, в конце концов, со мной отправится спутница. Может быть, она будет похожа на Лилию. Она тоже захочет коктейль на закате, когда мы пришвартуемся к лесистому берегу и будем смотреть, как умирает день.

Тут я понял, что хочу коктейль. Коренастый стакан с толстым доньшком. Третью рома, третью колы, лед. Стакан запотел. На нем образуются крупные капли и скатываются по стенкам. Пузырьки газировки пляшут на поверхности. Я почти услышал их шепот. Если взять в руку, то пальцы ощутят холодную влагу. Она приятная.

Я сглотнул. Сейчас мне было нельзя. Те медикаменты, которые я принимал, в сочетании с алкоголем превращаются в яд. Можно даже умереть. Впрочем, я не алкаш. Я легко потерплю до выписки.

Солнце взошло раньше, чем в родном Новосибире, – перемещение на восток располагает к таким подвижкам. Прежде разведки местности нужно было проверить, как стим пережил транспортировку. Вроде бы крепкий механизм, однако случиться могло всякое.

Андрей отвязал и стащил с машины тент. Стим, как всегда, был красив. Гонщики очень любят свои болиды – почти как детей. Многие дают им имена, считают, что у них есть характер, а то и, чем не шутит черт, душа.

У этого стима души не было точно. Однако собирал его Андрей своими руками, знал, что называется, до последнего винтика.

Четырехколесный приземистый болид. В задней части – все массивное, отвечающее за движение. Компактный реактор, котел с водой, турбина, вариатор и прочие передаточные механизмы.

Ближе к носу – сиденье, даже кресло пилота, если нравится, в поликарбонатной капсуле на случай аварии. Сзади и перед передними колесами антикрылья. Кто видел болиды «Формулы—1», тот примерно поймет, что к чему. Почти так же, только массивнее и немного страннее. Черный, где-то матовый, где-то отливающий, как воронье крыло, механизм. Теоретически может разогнаться до 400 километров в час. Андрею удавалось довести стрелку до отметки 350.

Он поочередно отвязал все фалы, удерживающие стим внутри кузова. Достал оттуда же подмости, по которым машина попала внутрь, проверил, надежно ли сидит в кольце крюк лебедки.

Стоя на земле, стим оказался Андрею по пояс самой высокой своей точкой – задним антикрылом. Андрей отстегнул кожух реактора, внимательно посмотрел на небольшой экран. Сердце стима билось, но медленно – перед дорогой гонщик слегка его приглушил. Пар в котле не клокотал, турбина не свистела крыльчатками. Однако тепловые элементы отбирали жар, давая в батарее электричество. Так что Андрей решил пока зарядить аккумуляторы дома. Достал провод с двумя штекерами на концах. Один воткнул куда-то под реактор, другой – в розетку возле пола своего жилища. Он отряхнул руки, упер их в бока и стал медленно вертеть головой, выбирая, куда сходить сначала.

5.

Утром после завтрака в очереди за лекарствами появился новенький. Длинный и худой. Руки из рукавов пижамы торчали слишком далеко. А штанины заканчивались слишком высоко. На шее багровела странгуляционная борозда. Новенький продвигался к столику выдачи с низко опущенной головой. Я стоял сразу за ним. Кроме обычных для всех нас успокоительных и «витаминок» в его горсть вложили три здоровенных веретенообразных пилюли. Дело серьезное, подумал я. Такие большие таблетки я видел впервые.

Я не выспался и был неприветлив. Меня можно было понять – толком уснул часов в пять. Всю ночь шарахался в курилку и обратно. Когда длинный новенький отвалил и я подошел к столику и узнал, что для меня у нянечки ничего нет, то почувствовал желание ее ударить. Мало того, что из-за них я не спал всю ночь, еще и последнее отобрали. Я не сделал ничего и просто молча отвалил, как длинный новенький за пару секунд до этого.

Я сел за стол к своим куропаткам. За эти дни я, кажется, начал их различать. Мне нравилась одна. Вернее, меньше всего раздражала. Я не знаю, как я определял, что это именно та птица. Наверное, по глазам – наименее тупой взгляд, наверное. Сейчас их было три. Они сидели неподвижно. Время от времени одна из птиц гадила в сугроб под березой.

Пришел Вова с колодой карт. Я уже отошел от облома с лекарствами и согласился сыграть с ним. Игра была чисто механической, не вызывала в нас азарта, не приносила радости побед. Просто перекладывали карты, как велят правила.

– Ильдар опять заехал, – сказал Вова.

– Кто это – Ильдар? – сделал вид, что мне интересно, я.

– Высокий такой, волосы на глаза, – объяснил мой картежный партнер.

– С бороздой на шее который? – я криво усмехнулся.

– Ну, – кивнул Вова. – Он самоубийца. Только не получается. Вены резал, сюда потом приехал. Сейчас вот – повесился. Только сняли.

– Он – ничтожество, – я сказал это хладнокровно, без каких-либо лишних эмоций.

Всем трудно. Мне вот, например, ой как нелегко живется. Однако я не вешаюсь почему-то. Наверное, потому что я человек. А он действительно ничтожество.

– Да нет, он нормальный парень. Семейный, – заступился за новенького Вова.

– Что же он семью так оставить решил? Как же они без него?

Вова пожал плечами. Мы молча доиграли кон.

– Ладно, – сказал Вова и встал из-за стола. Карт он не собрал.

Я тоже не стал утруждаться: кому надо – соберут. Или играть сейчас кто-нибудь сядет. Я отправился в палату, улегся и неожиданно уснул. Мне приснилось что-то хорошее. Жаль, не запомнил, что именно, когда меня разбудил к обеду санитар.

За обедом я хорошо разглядел новенького. Он почти макал свой нос в суп – так низко наклонился. А челка так вообще намокла. Он медленно хлебал ложкой, будто под водой двигался, и жевал. Жевал суп. На шее багровело доказательство его позора. Один раз он поднял взгляд, и мы встретились с ним глазами. Я его презирал.

А вечером к нему пришла семья. Жена – стройная молодая татарка – и дочь пары лет от роду. Наверное, как к постоянному клиенту, посетители пришли прямо в палату. Я как раз стоял в коридоре и видел, как жена достает из сумки какие-то банки и контейнеры с едой и отдает ему. А он убирает припасы в тумбочку. Ребенок в это время сидел на кровати молча и неподвижно. Девочка смотрела, что делают родители. От ее ног до пола было сантиметров двадцать. Это смотрелось довольно жалко.

Отмена лекарств имела и позитивный момент: ко мне вернулась способность нормально фокусировать зрение. Поэтому я пошел читать.

В диспансерской библиотеке было всякое барахло типа детективчиков в черно-желтой мягкой обложке и старых советских произведений, прославляющих трудовой подвиг на целине и хлопковых полях. От них разлило плесенью. Мне посчастливилось найти «Последнего из могикан». Я схватил его двумя руками и пошел в палату. Улегся и проблуждал по лесам Северной Америки до самого отбоя.

А после отбоя ощутил последствия отмены лекарств. У меня началась эрекция, и это не давало мне не то что уснуть, а хотя бы просто погрузиться в спокойную дрему. Член торчал, как поднятый шлагбаум. От него по всему телу разливалась какое-то сладкое томление. Вибрирующий зуд, который, если закрыть глаза, казался красным. Я ворочался и думал, как бы незаметно подрочить. Запускал руку в трусы и сжимал напрягшийся ствол, медленно гладил его, делал мастурбирующие движения. Потом перевернулся на живот, надеясь, что в таком положении член сдуется. Промучился я так часа два.

И тут я вспомнил о Лилии. Ее же можно разбудить и попросить сделать минет. Она уже показала себя девушкой свободных нравов. Так что, скорее всего, согласится. Тем более после того, как ей назначили курс каких-то специальных лекарств, она жила в двухместной палате. Одна. А еще, полагал я, если у нее вич или гепатит, то через рот не передается.

Я легко отжался на руках, легко и неслышно соскочил с койки. Натянул пижамные штаны, прикрывая торчащий ствол, надел рубашку, под полами которой скрыл красавца окончательно.

Первым делом я отправился в умывальник. Вернее, я туда прокрался – дежурная медсестра и ее злая прихлебательница спали. И будить мне их не хотелось. Умывальник – он же душевая – изнутри не запирался. Я притворил за собой дверь, включил свет и открыл кран. Вода текла холодная. Может быть, охладит, подумал я. Задрал рубашку, прижал ее подбородком, оттянул штаны и подставил член под струю. Головку сладко обожгло струей. Эрекция уходит и не собиралась. Я намылил руки куском какого-то мыла, а потом тщательно вымыл свой инструмент. С этим у меня было строго. Тут дело в самоуважении.

Дверь в палату Лилии оказалась приоткрыта. Я проскользнул в щель. За окном горел фонарь, так что и в помещении было светло. Лилия спала, лежа на боку, выставив вперед нижнюю руку. Я различил пятнышки на ее локтевом сгибе.

Взяв у стены стул, я подсел к ее изголовью. Член упирался мне в живот. Я положил руку на ее плечо и несильно потряс.

– Лиля... – реакции ноль.

Я потряс сильнее – с тем же результатом.

Моя рука скользнула с ее плеча за пазуху. Я нащупал грудь, пальцы нашли сосок. Он был мягкий и не отвечал на прикосновения.

Я склонился ближе к ее уху и снова позвал. Она тихо, со сна, замычала, открыла глаза и вопросительно посмотрела на меня. Не испугалась – уже хорошо, подумал я.

– Привет, – сказал я вполголоса, подключая самые очаровательные нотки своего тембра. – Лилия, как цветок. Ты, наверное, умеешь классно делать минет...

– Ммм... угу, – она издавала невнятные звуки, но явно не спала.

Я утвердился в правоте своих надежд, оттянул штаны и показал нефритовый стержень, направленный прямо ей в лицо. Она смотрела на член и никак не реагировала. Я подумал, что проще всего – просто сунуть его ей в рот. Тогда у нее сработает рефлекс, и она отсосет даже полностью не просыпаясь. Я приблизил член к ее губам. Ее глаза округлились. В полный голос она вдруг сказала: «Ты что, охуел, придурок?» – И уже громче: «А ну пошел на хуй, мудило!».

Я не стал ждать продолжения и выбежал в коридор, на ходу пряча в штаны член, который начал стремительно опадать. Я сомневался, что короткий выкрик разбудил персонал. Но быстро, не раздеваясь, скользнул под одеяло. Соседи по палате спали. Я дышал часто и тяжело, сердце колотилось так громко, что могло, казалось, разбудить всех вокруг.

Постепенно я успокоил дыхание. Член спать уже не мешал. Но уснуть я все равно не мог. Промучился до завтрака. За завтраком Лилия ничем не показала, что помнит, что произошло ночью. Но и на меня не смотрела. Села в обычном месте, поодаль.

На следующий день меня выписали.

Собственно, сходить следовало по предполагаемой траектории будущих заездов – по большому кольцу, которое Андрей изначально заметил на спутниковой фотографии. Он взял из кабины пикапа небольшой рюкзак, в котором помимо ножа и аптечки была пара бутылок воды и кое-что из непортящейся еды, и потопал куда глаза глядят. То есть к окружной дороге. Построенной вокруг несуществующего города.

Вселенная постоянно расширяется. Об этом Андрей узнал еще в школе. Ну, то есть, на одном из уроков физики сказали: после большого взрыва наша Вселенная постоянно расширяется. Андрей попытался тогда представить себе, как это может выглядеть, да плюнул. Просто запомнил на случай, если физик спросит.

А во время третьего своего «понимающего» трипа, на взлетной полосе, он вдруг понял. Как атомы удаляются друг от друга, как увеличивается расстояние между ними, как увеличиваются сами атомы – не шарики, не схематичные ядра с овальными орбитами, как на рисунке, а настоящие, из которых состоит все сущее – «яко на небеси, так и на земли». Попроси его описать, как это выглядит, пожалуй, не смог бы. А вот понимать – понимал. Он чувствовал, как все это крепко-накрепко увязано в одну огромную систему – Вселенную. А еще он понял, что если сдвинуться слегка в сторону, то нет никакого расширения. Вселенная стабильна, и нет силы, способной ее взорвать. А если понимающий сместится еще немного, то Вселенная начнет сжиматься. Это понимание потрясло Андрея так, что он не заметил приземления – только во время торможения, когда самолет коснулся колесами бетона полосы, почувствовал мягкую волну теплой лавы понимания. Словно она хотела погладить его, приговаривая: «Ну-ну, не переживай, все образуется».

Он подошел к краю дорожного кольца. Асфальт. Такой, как на ухоженной загородной трассе. Равномерный, без дыр и заплат. Не темный, не светлый – серый. Он потрогал поверхность подошвой. Потом поелозил по ней, катая редкие камушки. Вышел сначала на край, а потом и на самую середину. И пошел – против часовой стрелки.

Асфальт был идеален. Андрей понял, что не найдет здесь ни одной ямы или кочки. Он направлялся к мосту.

Как жаль, думал Андрей, мерно шагая пружинящими ногами, что у человека так мало органов чувств. Вселенная могла бы поделиться такой невиданной, неслыханной, немислимой красотой, если бы люди могли ее почувствовать. Впрочем, осознал бог понимающий, большинство населения планеты не поняло бы, о чем это он, заведи он с ними разговор. В моменты самолетных разгонов и торможений, а также непродолжительных гонок на стиме, Андрею казалось, что краешком сознания ему удастся понять, что Вселенная хочет показать ему. Здесь не было никакого волшебства, ничего потустороннего. Просто информация. Упорядоченная настолько красиво, что дух захватывало. Как упорядочены звуки в музыке Скрябина, как упорядочены черты лица любимой женщины.

Пока что Андрей не слишком понимал, как приблизиться к пониманию того, о чем говорит Вселенная. Он лишь понимал, что она говорит намного больше, чем могут слышать люди. Нужны шестое, седьмое, а также восьмое с десятым чувства, чтобы начать воспринимать эти сигналы. Чем, например, ощутить зависимое поведение элементарных частиц, разнесенных друг от друга на тысячи парсек?

Мост был не мостом, а целой развязкой. Въехать на нее можно было, взяв правее с главной дороги, роль которой играла наша безгородная окружная. Затем это ответвление вело на путепровод, который сверху пересекал главную дорогу. Примерно посередине его подпирала железобетонная конструкция, нижним концом упиравшаяся в главную дорогу. Основание подпорки кто-то по всем правилам заботливо обнес дорожным ограждением, выкрашенным черно-белыми полосами. Затем следовал спуск, и путник, решивший пройти данным путем, вновь оказывался на главной—окружной. Только смотрел теперь обратно. Зачем здесь это построили, сказать было сложно. К тому же на въезде и выезде с обеих сторон лежали бетонные блоки, преграждавшие путь наверх. Они тоже были покрашены, как того требовали ПДД многих стран.

Андрей перелез через блок и поднялся на эстакаду. Он решил получше разглядеть «улицы» внутри окружной дороги. Собственно, улиц этих, условно продольных и поперечных, набрался бы едва ли десяток. Один из перекрестков показался Андрею привлекательным. Он сначала рассматривал его, прикрыв глаза козырьком ладони, потом достал из рюкзака небольшой бинокль.

В окулярах оказался все тот же хороший асфальт, а на обширных территориях «кварталов» – сухая трава и кусты.

Чем именно понравился Андрею перекресток двух дорог, он так и не понял. Решил только, что дом надо установить именно там.

Андрей вернулся к лагерю – так он мысленно называл расположение своих движимых пожитков. Вытащил из кузова каркас тента, собрал его вокруг стима, накрыл, как и полагалось, скелет толстой непрозрачной полимерной тканью, как надо хорошенько все закрепил. Запереть импровизированный гараж возможности не было, да и от кого его тут запирать? За весь день Андрей не встретил тут ни человека, ни зверя, ни пичуги какой.

Затем он прицепил к пикапу свой дом на колесах, въехал на большое кольцо, затем свернул пару раз и оказался на перекрестке, который привлек его на эстакаде. Андрей немного поманеврировал на углу «квартала», устанавливая дом входной дверью к одной из улиц, затем отцепил его, предварительно выпустив опоры. Заметно полегчавший пикап он припарковал рядом. Вышел из машины, и решил, что живет теперь на перекрестке улиц Свободы и Семецкого. Пафос первого названия скрашивало второе имя. Вернее, фамилия. Ну или – просто не всем понятная старая шутка.

Мороз, устремившийся в мои ноздри при первых же шагах по больничному двору, вызвал во мне ощущение почти счастья. Солнце, которое я последние три с лишним недели видел только через стекло, светило как-то по-другому, лучше и радостней. И куропатки тут как тут – сидят на березе и смотрят на меня глупыми глазами. Пока, куропатки! А скорее всего, прощайте!

В кошельке, который мне отдали вместе с другими вещами, были деньги. Причем, в довольно приличном количестве. Я не слишком помню события, которые предшествовали моему заезду в диспансер, так что наличие наличности меня очень обрадовало.

Сигареты тоже были – початая пачка в кармане, еще четыре в пакете вместе с грязным бельем. Я захотел пойти домой пешком. И пошел.

День был просто отличный. На небе неустанно работало солнце, к опостылевшим куропаткам на деревьях присоединились синицы. Они старательно свистели свое «пись—писю, пись—писю» и прыгали с ветки на ветку, озорно поглядывая на меня. Несколько десятков метров я прошел без шапки – хотелось унять бурлившую радость. Потом шапку все-таки пришлось надеть. В этих широтах зима не прощает пренебрежения.

Я вышел за ворота диспансера, остановился и закурил. Куда пойти? Домой можно было не торопиться – я не хотел ни есть, ни спать. Можно гулять дальше, но бесцельно бродить не очень хотелось. И я решил пополнить запасы продовольствия. Но сперва следовало немного внести равновесия в свою душу. И я зашел в подвальный магазинчик.

Я люблю «Черный русский». Этот изначально благородный коктейль не потерял своих достоинств, когда его стали выпускать в банках. В меру сладкий, в меру ароматный, и алкоголя совсем немного: для человека, который дорожит рассудком и считает, что безудержное пьянство —признак ущербности, самое то. Я купил три полулитровых баночки – одну в руку, две в карманы. Вышел из подвала и огляделся. С новыми проклятыми законами не то что пить почти безалкогольный напиток, открыть банку было опасно. Потому пришлось найти укрытие – за углом девятиэтажного трехлистника, прямо возле какой-то технологической пристройки.

Я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер верх баночки. Я давно приучил себя так делать – нечего тянуть в рот всякую грязь. Поддел ногтем ключ. Он сопротивлялся – думаю, просто из приличия. Я сделал небольшое усилие, ключ подался, раздался веселый щелчок и «пшик». Под ложечкой щекотно зашевелилось хорошее настроение. Все-таки алкоголь вот в таких гомеопатических дозах благотворно влияет и на тело, и на душу. Дальше я просто припал к холодному металлу, обхватив губами окошко в удовольствие, и запрокинулся вместе с коктейлем. Десяток больших глотков, десяток движений кадыка – и баночка пуста. Я машинально поболтал ею в воздухе – на доньшке плескалось примерно одиннадцать спасшихся капель. Хотелось закурить. Но я оттягивал удовольствие. Сначала я высвободил из банки шесть из одиннадцати капель, которые чаяли спрятаться от меня, прямо на язык. После чего поставил пустую и теперь бесполезную банку в снег. Достал сигарету и зажигалку, не спеша закурил.

В этом моменте есть свой непередаваемый, но в то же время, несомненный кайф. Закурить после выпивки. Пусть и такой безобидной, как «Черный русский». Вторая затяжка, а также третья и четвертая – тоже в удовольствие, хоть и убывающее в зависимости, как икс от игрека, где игрек – номер затяжки. Но все равно это было отлично. Это было здорово. Я посмотрел на солнце и прищурился, прислушиваясь к себе. В душе, поначалу охлажденной напитком, начинало теплеть. В голове также происходили закономерные вещи: все само собой раскладывалось по полочкам, все становилось на свои места.

Я открыл еще одну баночку. Теперь пил неспеша: хоть и большими глотками, но не больше одного за раз, и после каждого ставил банку в снег. После третьего закурил. На середине сигареты сделал еще глоток.

Третью открывать не стал. Похлопал по карману, где она ждала своего часа, и решил пройтись. На ходу мне всегда хорошо думается. Тем более погода отличная, настроение еще лучше.

Я вернулся мыслями к катеру.

Наш Февральск стоит на берегу большой и ветвистой Оби. Это судоходная река, и в городе есть причал. Эдакий недопорт. Я решил отправиться туда – посмотреть лодки и катера. Январь не показался мне аргументом против того, что я там что-то увижу. И интуиция меня не подвела: она всегда начинает лучше работать, если принять внутрь гомеопатическую дозу алкоголя.

Вообще, я не жалуясь ни на интеллект, ни на организм. У меня быстрый метаболизм, я хорошо сложен и умен. Только иногда скорость обмена веществ застигает меня врасплох. Мне попросту захотелось ссать. Благо, лодочный причал был уже рядом, как и гаражи, в которых хранились суденышки помельче. Я протиснулся между двумя железными стенками, распер их плечами, расстегнулся и отлил. Отмечу, это тоже вполне определенное удовольствие, которое может украсить жизнь. Я даже порисовал немного струей, отметив про себя, что я у этого снега первый.

Катера побольше на зиму не убирала в гаражи. Их просто вынимали из воды и водружали на специальные стапели. Каждое судно по-своему красиво. В каждом играла всем своим блеском мысль конструктора, который привел к жизни именно эту модель. Вон, плоскодонный и с высокой узкой рубкой – он для проток, которые к середине лета нещадно мелеют. Вон – гордый почти корабль с серыми бортами и белой надстройкой. Его очарование не портит даже фривольное имя: ближе к носу под трафарет какой-то шутник мореман вывел «Небздящий».

Я стоял и любовался. Пришло время для третьей баночки. Ее я выпил уже не с таким удовольствием, как первую, однако она имела свою собственную прелесть – прелесть третьей баночки. Пока пил, выкурил еще две сигареты. Пил, курил и любовался катерами. Впрочем, такого, который запал бы мне в душу, я пока не видел, хотя на берегу их было десятка три – на любой вкус. Тем не менее мне хотелось приобщиться к их миру, попробовать себя в роли их господина. Потому я взялся за борт «Небздящего», подтянулся, помогая ногами, и оказался на палубе. Мне показалось, что судно качнулось. Однако, скорее всего, действительно показалось.

Катер со смешным именем был хорош. Я обошел кругом палубу, заглянул в рубку, увидел приборы, переключатели и руль, как у автомобиля. В принципе, ничего сложного в органах управления судном я не увидел. За пристройкой на палубе было полуметровое возвышение, в стенках которого блестели узенькие окошки. Я встал на четвереньки и заглянул внутрь. Более прелестной каюты на два спальных места я и представить себе не мог. Я поднялся, отряхнул колени, сел на возвышение и снова закурил.

Вот тут моя интуиция и подала мне сигнал. Это было похоже на тихий предостерегающий шепот. Потом я явственно увидел, что катер медленно заваливается набок, и я заваливаюсь вместе с ним. Меня трудно застать врасплох. В доли секунды я понял, как надо действовать, собрался и, когда до земли оставалось метра полтора, сильно оттолкнулся от вставшей уже почти вертикально палубы. Я мягко приземлился в снег и услышал за спиной металлический лязг и грохот. Тут же откуда-то ему ответил собачий лай, довольно громкий и отчетливый, чтобы быть далеко. Я не стал тратить времени, чтобы оглянуться на поверженный катер, и из положения низкого старта побежал. Я бежал быстро, но размеренно. Через несколько секунд был уже у гаражей. Протиснулся в щель между железными коробками (уже другую, нежели использованную мною в качестве туалета), остановился и прислушался. Первое, что я услышал, было мое быстрое дыхание. Пальцы и колени слегка подрагивали – от неожиданности происходящего. Собаки брехали с той же громкостью, а значит, меня искать не побежали. Скорее всего, они где-то за забором.

Я подождал несколько минут, выбрался из лабиринта гаражей уже с другой стороны и отправился домой. Происшествие не слишком испортило мне настроение. Однако я все равно ощутил потребность привести себя в равновесие. А значит, нужно зайти в магазин. Да и продуктов дома, кажется, нет.

Стимеры – народ малоконтактный. С людьми не своего круга общаются не слишком охотно, большей частью по делу. Внутри сообщества стараются соблюдать определенные нормы. Правило разумной взаимовыручки, например.

Вот и сейчас Андрей подумал, что будет честным по отношению к паровым гонщикам, если он расскажет о своей находке. Вреда себе нанести он не боялся. Стимеров и так немного, а в эту глушь полезут лишь единицы. И памятуя о гонениях, которые обрушились на увлеченных ребят, гонщик решил бросить клич.

В закрытом сообществе он опубликовал спутниковый снимок, по которому нашел это место, присовокупил к нему точные координаты и написал: «Хороший асфальт». Кому надо – поймут, решил он и закрыл ноутбук. Потом снова открыл его и дописал: «Не через КПП».

Какой-то особой близости, братского чувства к хорошо и малознакомым стимерам Андрей не испытывал. Они были просто понятнее и безопаснее для желаемого течения событий людьми, чем остальные. Общие темы, общий интерес. Все остальное – у каждого свое. Делиться секретом внутренностей паровой турбины, скажем, никто не торопился. Но в случае аварии все присутствующие сделают все возможное, чтобы разбившийся гонщик выжил.

Пропищал спутниковый телефон. Сообщение от одного из новосибирских стимеров. Валерик написал: «Соберись за три дня. Застолби для меня место через два квартала на север от себя. Что привезти?».

Андрей заказал побольше воды, кофе, а также пять коробок консервированной каши. Если Валерик привезет еду, то поиски магазина можно будет на какое-то время отложить.

И снова писк. Братья Школьники оповещали о своем скором прибытии. Сергей и Саша, разница в два года. Старший – механик, младший – гонщик. Это была интересная команда. Сергей никогда не разгонялся на стиме больше полтинника, но машину знал, что называется, назубок. Саша об устройстве стима имел лишь общее представление. Но, садясь в кресло пилота, словно сливался с машиной, ездил с сумасшедшими даже для этой тусовки скоростями, а на приборы поглядывал изредка, сверяя их показания с ощущениями. Путешествовали они в большом рейсовом автобусе, задняя часть которого была переделана под перевозку их болида, а в передней располагалась водительская кабина и жилое пространство. Андрей подумал, что в других местах братья пусть хоть в обнимку спят со своим драндулетом, но в его населенном пункте радиоактивную повозку пусть хранят подальше от мест для сна и отдыха.

По идее, реактор стима – вещь надежная и безопасная. Но лучше ввести это правило сразу.

7.

Я засунул руки в карманы и неспешно пошел домой. В голове было ясно и улыбочиво – лучше, чем в последние несколько месяцев. Не слишком сильный мороз, безветрие, подошедшее вплотную к закату зимнее солнце и отсутствие всякой необходимости куда-то спешить. Я шел и думал, что все-таки мне повезло, что я – это я. Конечно, у меня бывают не слишком приятные периоды, когда я считаю себя неудачником, начинаю корить, будто слишком много пью или часто меняю место работы. Иногда эти черные мысли настолько тяжелы, что приходится обращаться за помощью к медикам. Как правило, пребывание в диспансерах приводит меня в чувство. Я сложный, очень сложно составленный человек, многогранный, глубокий и непростой. Я хорош, я намного лучше большинства. Думаю, что я вхожу в те двадцать процентов,

на которых и стоит современный мир. Но как раз я этой сложности иногда и не выдерживаю. Тогда требуется отдых.

На самом деле я чужд бахвальства и понтов. Это не мое. Я умен, знаю себе цену, а значит, довольно прост в обращении. Если оно, конечно, хорошее. Не таков, к примеру, Женя.

Этого пациента я сразу выделил из серой массы постояльцев диспансера. Из-за его взгляда сверху. Нет, он не был высоким. Скорее, среднего роста. Но смотрел на окружающих, будто они тля. Это было тем более странно, что он был и остается наркоманом.

Женя часто прогуливался по коридору в своей пижаме и тапках. Он любил класть сцепленные замком руки на голову. Таким образом он открывал всеобщему обозрению свои «дороги», которые располагались у него не на обычных для наркоманов местах, а с внешней стороны предплечий. Начинались от локтей и тянулись сантиметров на 15.

Он гулял и поглядывал, позыркивал на пациентов. Если у него что-то спросить, он кисло усмехнется и пойдет дальше. Потому что все, кто не он, – тля.

Однажды, в то время, когда я принимал еще полный набор лекарств, меня разбудил какой-то шум в коридоре. Я вышел из палаты и увидел столпотворение в другом конце здания, у окна почти возле выхода из отделения. Я подошел.

Все смотрели на зарево пожара – в паре кварталов от нас пылала деревянная двухэтажка, слышался вой пожарных сирен, металась отблески мигалок. Горело в районе старой застройки. Это было некое гетто – там жили алкаши и наркоманы. Проститутки, наверное, тоже, но кто в здравом уме к ним пойдет?

Ближе всех к окну, положив руки на голову, стоял Женя. Он неотрывно смотрел на зарево.

Я почувствовал толчок локтем и повернулся в ту сторону.

– Это его дом горит, – сказал Вова. – У него там жена.

Вова рассказал, что у Жени была настоящая, с печатью в паспорте, жена. Ему было лет тридцать. Ей – под полтинник. Вова знал их обоих, был вхож в их гостеприимный притон.

– Толстая такая, ноги у нее болят, – описал Вова Женину жену.

Я посмотрел на Женю. Он стоял, опустив руки, ссутулившись и с мольбой глядя на пляшущий свет.

Подошла какая-то медсестра с телефоном. Она только что закончила разговаривать, дала отбой и опустила трубку в карман халата. Все обернулись к ней.

– Один погибший, женщина, – сказала она нам. Женя издал всхлип и метнулся к медичке.

Схватил ее за руку:

– Позвоните, выясните, как зовут!

– Мне не скажут, – отказала она.

Подошел еще один пациент, протянул к медсестре руку:

– Дайте, я узнаю.

– Не скажут.

– Мне скажут, – он был пожарным.

Алкоголик—пожарный по памяти набрал номер, подождал ответа, задал вполголоса свой вопрос. Послушал, а потом, повернувшись к нам, сказал:

– Панасенко Вера Николаевна.

Женя застонал и сел на пол, где стоял. Он рыдал, трясаясь всем телом. На моих глазах презрительный тип превратился в раздавленное ничтожество.

Потом ему вкололи успокоительное и начали готовить к выписке. Когда начался рабочий день, он вышел из отделения – одетый в зимнее, но без шапки. Видно было, что руки на голову он положит не скоро. Я испытал даже что-то похожее на удовлетворение от того, что восторжествовала справедливость.

Я отогнал воспоминание. Несколько раз моргнул, возвращаясь в реальность. Передо мной был родной магазинчик у дома. У стены стояли ханты в своих расшитых фуфайках, закрытых сверху нейлоновыми камуфляжными маскхалатами. Они стояли, обутые в кисы, маленькие и смешные, торговали рыбой, разложенной прямо на обледенелом асфальте. Оказывается, уже стемнело.

Я спустился в полуподвал магазина. Когда—то, когда здесь работали нормальные люди, мне отпускали тут товары, так сказать, в кредит. То есть можно было деньги принести потом. Даже не записывали. Потом поменялся хозяин и продавщицы, и мне было отказано. Впрочем, им вернется сторицей их недоверие и жестокость.

Я купил хлеб, майонез, пельмени, пару банок консервов, двухлитровку колы и бутылку водки – на всякий случай. Я вообще считаю, что спиртное должно быть дома всегда. Не обязательно его пить. Мало ли, что может случиться. Например, нужно срочно сделать укол, а кожу смазать нечем.

Я вышел из магазина и неожиданно купил у хантыйки в цветном платке – практически за бесценок – замороженную щуку. Рыба была похожа на полено.

Я поднялся на четвертый этаж, открыл ключами сначала дверь в тамбур, потом в свою комнату. Не зажигая света, прошел в закуток, служивший мне туалетом и ванной, грохнул в раковину рыбу – пусть размораживается.

Утром Андрей выпил кофе, вдумчиво покурил, сидя в плетеном кресле у порога. Запер на ключ дверь и отправился к импровизированному гаражу.

На небе было ни облачка. Солнце уже прилично поднялось над горизонтом, однако до полудня еще оставалось часа три-четыре.

Андрей расшнуровал одну из стенок ангара, пуская к машине дневной свет и тепло. Открыл в корпусе сразу за коконом пилота небольшую дверцу, щелкнул тумблером, выводя болид из спящего режима. Затем принесенной с собой лопатой стал ровнять путь от гаража к кромке большого кольца. Получалось не очень – почва была сухая и слежавшаяся. Сильно наклонившись, он старался срубить небольшие кочки, за которые мог бы зацепиться стим. Через полчаса сражений с одной из самых неподатливых земных стихий – самой землей – Андрей решил, что результатом можно удовлетвориться.

Он перешагнул через бортик и сел в кресло пилота – свое кресло, сделанное по заказу и подогнанное по фигуре. Еще и с учетом, что пилот может набрать или сбросить пару килограммов веса. Андрей положил руки на штурвал, пошевелил его, почувствовал, как откликнулись электроусилители. Штурвал – огрызок руля – формой напоминал приплюснутую с полюсов букву «Ф». За бока полагалось держаться и рулить. А на педали – ход и тормоз – полагалось давить.

Андрей переключил рычажок управления ходом в положение «полускорость», осторожно стронул машину с места и медленно вывел ее на асфальт большого кольца. Затем перевел рычаг в положение «нейтраль», затянул стояночный тормоз и сбегал в гараж за щеткой. Отряхивать колеса от приставшей пыли было довольно глупо: предсказать чистоту полотна впереди было невозможно. Тем не менее Андрею хотелось вот так подготовиться к первой пробной поездке. Чтобы не было стыдно перед гостеприимной дорогой.

От надел шлем с пока открытым забралом, застегнул на груди крест ремней безопасности, посмотрел на датчики. Стрелка спидометра показывала полный ноль, давление в котле было в районе пятерки, паровая турбина делала 35 тысяч оборотов в минуту. Андрей надел перчатки, перевел рычаг управления ходом в положение «полный», выключил стояночный тормоз и положил руки на штурвал.

Он слышал негромкий свист турбины, думал, что слышит шелест циркулирующего от реактора к котлу расплавленного свинца, смотрел на свои руки: чувствовал, как внутри перчаток подрагивают пальцы. Посидел так еще немного и тронул машину.

Андрей решил сегодня обойтись без резких ускорений. Да и разогнаться больше ста пятидесяти километров в час не собирался – на незнакомой дороге такое себе позволяют либо полные кретины, либо бессмертные. Последних Андрей пока не встречал.

Он с наслаждением почувствовал, как сила инерции вдавливают его в кресло, как тело вспоминает, как себя вести за штурвалом стима, как макушку шлема начинает оглаживать поток встречного воздуха.

Под мостом он проскочил на сотне, отметив, что места здесь вполне достаточно и для более серьезных скоростей. Только, если гоняться вдвоем, нужно строго придерживаться своей стороны, чтобы не полезть одновременно в одну и ту же дыру.

За мостом начался поворот налево, Андрей аккуратно уложил в него стим и слегка надавил педаль, когда дорога вновь выпрямилась.

Это была уникальная поездка: наушники шлема молчали, в зеркалах и прямо по курсу не было ни души. Да и вообще в радиусе, наверное, сотен километров никого не было. Он увидел, как стрелки спидометра доползла до полутора сотен и ослабил давление на педаль. Это была уже неплохая скорость – бог понимающий почувствовал, как мягким касанием теплого потока поздоровалась с ним Вселенная.

Андрею хотелось вдавить педаль посильнее – он соскучился по скорости, пониманию, по вселенской лаве, струящейся сквозь сознание. Но не делал этого, с каким-то чувством предвкушения откладывая разгон на потом.

Снова левый поворот. Болид находился почти на радиально противоположной от моста стороне окружной дороги. И тут тоже был мост с такими же въездами на него. Только один – внешний – пролет обрушился и лежал теперь угрожающей кучей на полотне. Андрей сбросил скорость до пятидесяти, даже пришлось воспользоваться педалью тормоза. После полутора сотен такая скорость казалась черепашьей, однако Андрей знал, что это обманчивое впечатление.

Он осторожно провел машину под целым пролетом и снова ускорился. Дважды набирал максимальную для сегодня скорость, дважды делал левый поворот, на точке, с которой стартовал, полностью остановил машину.

Он отстегнулся, снял шлем и вылез из кресла. Пальцы больше не дрожали, но тело переполняло ощущение эйфории: после долгого перерыва он сделал то, что приносило ему удовольствие.

Андрей обошел, осматривая, стим, потом облокотился о корпус и опустил руки с зажатым в них шлемом. Глубоко вздохнул и улыбнулся. Подумал, что улыбка в полном одиночестве – самая честная в мире улыбка.

Нужно было поставить машину в гараж, но делать этого не хотелось совсем. Черному летящему силуэту машины здесь, на дороге, было самое место – и логически, и эстетически. Однако Андрей заставил себя сесть в кресло и загнать болид под тент. Хорошо бы еще сполоснуть ее после каталки, но это можно сделать и завтра.

Он перевел стим в спящий режим, зашнуровал дверь и пошел домой, на ходу расстегивая гоночный костюм.

8.

Моя студия, а если точнее – комната в общежитии, снабженная элементарными удобствами, – дождалась меня, сохранив воздух дня, когда я уехал в диспансер. Форточки были закрыты, потому он казался слегка затхлым. Тем не менее родным от этого быть не перестал.

Я зажег свет над плитой – мне сейчас не нужно слишком ярких огней. Затем разделся, повесил пуховик на вешалку, ботинки поставил под ним. Перешел в ванную и разделся совсем. Всю одежду сбросил в ящик для грязного – завтра начало новой жизни. Пусть я войду в нее чистым и во всем свежем.

Включил воду, заткнул дырку в ванне. Сел в набирающуюся воду. Тело было какое-то тупое. Вроде бы и контраст – холодный воздух и горячая вода, дискомфорт должен быть. Мурашки вон побежали – это я почувствовал. Но дискомфорта не было. А было как в ожидании чего-то хорошего. Потом понял, чего не хватает.

Я вылез и как был, мокрыми подошвами протопал к вешалке, взял из кармана куртки сигареты. Потом нашел в покупках водку и колу. Налил напитки в две разных чашки – они были прекрасно холодны с улицы. Водки налил граммов семьдесят, колы – полную чашку. Постоял, глядя на все это. Подумал, что чистое и прозрачное, почти пустое и эфирное, рядом с полновесным – густо бордовым, почти черным, пузырящимся и сладким – это так красиво. А еще одно горькое, другое сладкое. И вместе они – прелесть как хороши. Я понял, что улыбаюсь, и с меня на пол капает вода. Тогда я не стал больше размышлять о метафизике напитков. Взял в левую руку чашку с водкой, в правую – с колой. Набрал в рот немного газировки. Она зашипела и зашипала небо. Поднес к губам водку, проглотил колу и тут же большим и быстрым глотком опростал левую чашку, моментально запил тремя большими глотками колы. Это был кайф. Я не успел почувствовать спиртового вкуса, но его отголоски зазвучали эхом в моем мозгу. Я достал сигарету и закурил. Еще один кайф. Я сделал еще два глотка колы и пошел в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.